

СОЧИНЕНИЯ УФИМСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, НАПИСАННЫЕ В 2014 ГОДУ

Игорь Фролов

Луна русской поэзии

*Цитаты и названия стихотворений даны автором по памяти – во время написания сочинения он честно не пользовался первоисточниками.

Чтобы создать хоть какое-то подобие структуры в тексте столь малого объема, используем метод индукции – пойдем от частного к общему.

Для начала хочется попенять тем, кто так сформулировал тему: при использовании стихотворной цитаты нельзя игнорировать законы стихосложения и человеческой памяти. Память же немедленно продолжает крылатое лермонтовское выражение – «недаром помнит вся Россия... про день Бородина». По логике цитирования в скобках после оборванной цитаты должна стоять иная расшифровка заявленной этой цитатой темы, например «К 200-летию победы в Отечественной войне 1812–1814 гг.» или «Тема Отечественной войны 1812–1814 гг. в творчестве М.Ю. Лермонтова».

Воспользуюсь этим проколом составителей, чтобы начать с гражданской лирики Михаила Юрьевича. «Бородинский» отсыл подходит как нельзя лучше.

Стихотворение «Бородино» Лермонтов написал в год 25-летия Бородинского сражения. Минуло более двухсот лет, мы продолжаем пытаться себя и других: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французу отдана?». Лермонтов в «Бородине» отвечает на этот вопрос устами ветерана Бородинского сражения: «Когда б на то не Божья воля, не отдали б Москвы!». В этих словах заключена вся мучительная

многозначность возможных ответов. Отдавать не хотели, дрались бы до последней капли русской крови, но... Все решила высшая инстанция – тот самый русский Бог, стоящий у Пушкина в ряду спасителей Отечества, – вместе с остервенением народа, Барклаем и зимой... Ответ лермонтовского героя звучит актуально и сегодня, когда продолжаются споры: сдавать ли столицы врагу, чтобы избежать гибели армии или мирных жителей? – тем более что российские просторы позволяют отступить и затеряться среди бескрайних снегов так удачно, что враг замучается и околеет искать, и сам убежит восвояси, – или же стоять до конца, невзирая на Божью волю и слабость сил? Все, видимо, зависит от того, как в тот или иной момент русской Истории расположен к подопечным русский Бог. Русский же человек, в отличие от своего покровителя, готов сражаться всегда.

Но я бы не хотел останавливаться на неловкой формулировке темы и муссировать частный случай поэзии Лермонтова. Я не буквоед и понимаю, что составители предлагают нам раскрыть причины (ключевое слово – все то же «недаром»), по которым Россия помнит Михаила Юрьевича Лермонтова спустя два столетия со дня его рождения. Совсем не трудно сейчас обосновать столь прочную и долгую память, ссылаясь на привычную школьникам многих поколений гражданскую лирику Лермонтова. «На смерть Поэта», «Дума», «Предсказание» и другие стихотворения, бичующие социальные пороки и зовущие к переменам, конечно, драгоценны, они всегда будут храниться в революционном генофонде России, и каждый мыслящий всегда может сказать, в каком бы времени он ни жил: «Печально я гляжу на наше поколение, его грядущее иль пусто, иль темно». Однако (сказал другой поэт) «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», и я расшифровываю эту сентенцию в пользу поэта. То есть, гражданская позиция не такая же редкость, как поэтический дар. И гражданин Лермонтов не был бы поэтом Лермонтовым, останься он автором одной только стихотворной

публицистики. Да он и сам открытым текстом говорит об особенностях своей любви к Отчизне. В стихотворении «Родина» из списка причин сыновней любви вычеркивается Великая История страны («слава, купленная кровью» и «темной старины заветные преданья»), но в абсолютные ценности возводятся «дымок спаленной жнивы» и деревенские пляски «под говор пьяных мужиков». А еще – «ее лесов безбрежных колыханье, ее степей холодное молчанье, разливы рек, подобные морям» – громадность и суровая величественность, в которой так одиноко и холодно человеку, и согревает его мечта о тепле, о другом человеке – «проселочным путем люблю скакать в телеге и, взором сумрачным пронзая ночи тень, встречать по сторонам, мечтая о ночлеге, дрожащие огни печальных деревень».

Из огромности территории следует малость человека, а противоречие между физической малостью и богоборческим духом почти априори располагает к одиночеству. Одиночество возведено Лермонтовым в высшую степень. Его лирический герой – один (и един) в разных масках. Человек Печорин и не человек Демон – земная и космическая ипостаси героя-автора. И одиночество – нечеловеческое у Печорина и человеческое у Демона – вот тот единственный металл, из которого отлиты их души. Образы Бэлы и Тамары созданы автором, кажется, лишь для того, чтобы оттенить необратимость одиночества.

Можно говорить о байроническом характере лермонтовского таланта, о моде того времени на чайльд-гарольдовщину, но... Пушкин с его Онегиным тоже отдал дань английскому сплину и русской хандре, однако остался солнцем русской поэзии, единственным душевноздоровым русским поэтом. Лермонтов, конечно, не Байрон, он другой. Он певец русской меланхолии, русского холода и одиночества, русской вселенской тоски. В отличие от солнечного Пушкина, в противоположность ему и в дополнение, Лермонтов – лунный поэт, и его байронизм вовсе не

подражательный, он родом из трудной детской судьбы, он усилен замкнутым кругом, когда жизнь рождает философию, а уже философия усугубляет жизнь. И жизнь поэта строилась по законам его поэзии и прозы, и трудно определить, прототипы ли порождали героев и персонажей или тексты поэта чуть позже воплощались в реальность. Нельзя, к примеру, с решительностью утверждать, кто была первой – Вера из «Героя нашего времени» или Наталья, сестра Николая Мартынова (чья дружеская – по выражению Есенина – пуля поставит точку в настоящем романе о герое того времени).

«Выхожу один я на дорогу», «На севере диком», «Тучка», «Из Гейне», «Парус», ряд можно длить и длить, – это все одна гениальная песнь об одиночестве, об усталости, о любви к далекому, к прошлому и невозвратному. И совершенно неважно, откуда предки поэта – из Шотландии или Испании. Ясно, что грусть его далеко не испанская. Спросите у меня, что такое русская душа, я не смогу ответить вразумительно, избегнув при этом пошлостей и банальностей. Я просто повторю волшебные строки:

...В небесах торжественно и чудно,

Спит земля в сиянье голубом.

Что же мне так больно и так трудно?

Жду ль чего, жалею ли о чем...

И уже почти два века ни один из поэтов не может ничего добавить к этим словам. И уже почти два века длинные полярные ночи русского одиночества освещает незаходящая Луна лермонтовской поэзии...

Недаром, конечно, недаром мы помним Михаила Юрьевича. И будем помнить, пока будет существовать русский язык.

Вопросы, заданные человечеству войной

Человечество воюет на протяжении всей своей истории: наверное, не было года, чтобы в том или ином уголке Земли не лилась кровь. Вопросы о причинах войн, об их влиянии на экономику заботят ученых и политиков, и знать ответы на них нужно, потому как это необходимое знание – ведь войны, увы, продолжают. Но, пожалуй, важнее узнать ответ на другой вопрос: под силу ли остаться человеком тому, кто прошел войну, особенно такую, какой была Первая, и тем более Вторая мировая? Сможет ли человек, на глазах у которого гибли люди и который сам убивал, не озлобиться, не превратиться в машину, которую ведет вперед единственно лишь стремление мстить?

Стихотворение Константина Симонова «Убей его!» было написано в 1942 году. Может показаться, что звучащий в нем рефреном призыв к мести, как и сам факт широкого распространения этого стихотворения, уже сами по себе подтверждают стремление к воздаянию по принципу «кровь за кровь». Но именно показаться, потому что в первую очередь поэт говорит о том, за что и за кого сражался каждый советский воин, – родной дом, мать, любимая...

А немногим ранее, в июле-августе 1941 года, К. Симонов написал «Жди меня» (опубликовано в 1942 году). В то время уже с пронзительной остротой стало ясно, что идет война, непохожая на все предыдущие, война, цель которой – истребление целых народов. Однако в это страшное время поэт говорит не о крови, боли и мести, нет, он говорит о любви, нежности, верности. Симонов, как и положено настоящему поэту, выразил чувства, желания, чаяния миллионов советских солдат и командиров – те чувства, желания и чаяния, которые дали им возможность победить не только врага, но и свои собственные страхи. И закономерно, что именно преодоление самого себя, осознание общего долга, что выше личных желаний,

стремлений и даже разногласий, в годы войны (да и впоследствии) становится главной темой целого ряда замечательных произведений о войне.

Эти стихи, повести, романы рассказывают о том, ради чего вел войну наш народ. Герой стихотворения Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом...» хорошо понимает, что его собственная жизнь – вовсе не высшая ценность.

*И у мертвых, безгласных, / Есть отрада одна: / Мы за родину пали, /
Но она – спасена.<...> / Завещаю в той жизни / Вам счастливыми быть /
И родимой отчизн / С честью дальше служить.*

Глядя из дня сегодняшнего, некоторые могут сказать, что в этих строках слишком много пафоса. Но это неверно – ведь истинную ценность, подлинный смысл стихов Симонова, Твардовского, других поэтов прекрасно понимали тысячи воинов, хранивших у сердца газетные вырезки с этими строчками. В них фронтовики находили подтверждение своей вере в то, что им есть не только ради чего умирать, но и ради чего жить, ради чего оставаться человеком. А самое главное – каждым своим днем, каждым подвигом они подтверждали, что лучшие произведения отечественной литературы, созданные в годы войны, лишь отражают действительность, ничуть ее не приукрашивая. Это и есть ответ на заданный выше вопрос. И этим ответом, который дали наши деды и прадеды, мы можем гордиться. Гордиться – и надеяться на то, что в схожих обстоятельствах у нас хватит силы и воли ответить так же.

Человек и природа в эпосе «Урал-батыр»

Человек и природа – эта тема для размышлений и споров не остывает от века к веку и будет актуальной всегда, пока существует вид *Homo sapiens*. Странники мы и пришельцы на этой Земле, как гласит Евангелие, и тварный мир нам чужой? Или люди – лишь звено эволюционной цепи? Человек – часть природы? Сын природы? Хозяин? Паразит на теле Земли? Вопросы не праздные, ведь от того, как мы отвечаем на них, зависит наше отношение и к миру, и к себе, наше сиюминутное поведение и общее направление вектора бытия. Неудивительно, что в мировой литературе накоплено множество книг на эту тематику. Тут и противостояние человека природе, как, допустим, у Джека Лондона, Эрнеста Хемингуэя. И любознательное наблюдение человеком природы, как, к примеру, у Джеральда Даррелла, Виталия Бианки. И утилитарно-сыновье отношение человека к природе как, скажем, у Сергея Аксакова. И отождествление человека с природой, как у Жан-Жака Руссо. И детское очеловечивание природы, как у нашего земляка и современника Камиля Зиганшина. Но мне ближе всего трактовка связи человека и природы с позиций взаимопомощи, изложенная в известном башкирском эпосе «Урал-батыр».

Эпос доносит до нас из глубин времени исконное, интуитивное понимание человеком своего места в окружающем мире и его отношение к природе – к животным, к растениям, к стихиям.

«Урал-батыр», по сути, начинается с первого вопроса, который задаёт каждый ребёнок взрослому, как только начинает ощущать себя человеком: «Что такое смерть?» Ответ поразителен: «Смерть для всего, что нас окружает, – это мы, люди». То есть эпос с самого начала расставляет действующих лиц по местам: с одной стороны – человек, задавшийся вопросом о смерти и тем самым сразу переставший быть частью животного мира; с другой – всё живое.

Сегодня люди по-прежнему несут смерть тому, что их окружает: истреблены тысячи биологических видов, вырубаются леса, засоряются реки, портится воздух... Природе сложно противостоять: как бы ни были велики клыки и зубы, у человека со времён Урала-батыра всегда есть оружие мощней. Но эпос учит: у кого больше власти, у того больше ответственность. Разумно устроенный окружающий мир находится в равновесии, если человек не нарушает чёткую систему запретов. Таков первый урок, полученный мальчиком Уралом, живущим в раю, где щука ловит для его семьи рыбу, сокол бьёт с неба дичь, лев возит людей на спине. Второй урок не менее важен: если человек всё-таки нарушает запреты, он приносит гибель не только всему, что вокруг, но, в первую очередь, лично себе – становится, подобно падшему брату Урала Шульгену, добычей смерти.

Говоря о природе и человеке, эпос различает отношение человека к животным и отношение человека к стихиям. Для первых он – повелитель, вторым – родня. Спустившись, желая спасти брата, с поднебесья на землю, Урал особенно сильно ощущает родство с природой: во время битвы с воплощением зла Азракой, когда тот призывает на помощь стихии, батыр обращается к воде как к сестре, к воздуху, к огню – как к братьям. И это позволяет выиграть единоборство. А в момент окончательного, казалось бы, торжества зла – когда старший брат-завистник, почти по-библейски, убивает младшего, Урал и вовсе сливается с природой: его тело становится горным хребтом, порождающим реки. Но – и в этом третий урок эпоса – Урал принимает смерть осмысленно, как может только человек, и смерть его животворяща, созидательна. На земном пути батыр проходит обычные искушения: славой, сытостью, покоем, богатством, любовью прекрасных женщин; ему предлагался трон. Однако всё это не радует героя, поскольку ни на волос не приближает к победе над смертью. Только мучительная

гибель становится его победой: смерть Урала – не просто конец брэнного бытия, а подвиг во имя Добра, подвиг, дарующий вечную жизнь.

Многие любят бравировать животной сущностью человека: мол, нас отличают от прочих тварей лишь мелочи – мягкая мочка ушей, чувство юмора и так далее. Но эпос «Урал-батыр» – и своим содержанием, и самим фактом создания – подтверждает исключительную природу человека, наличие у него особой миссии на планете. Не случайно в пещере Шульган-Таш, где завершается действие эпоса, мы находим ещё одно яркое тому подтверждение – наскальную живопись. Как точно сказал о пытливом ребенке, вроде маленького Урала, Гилберт Честертон: «Он залез под землю и нашёл изображение оленя, сделанное человеком. Но как бы глубоко он ни залез, он не найдёт изображения человека, сделанного оленем». И резюмирует: «Искусство – подпись человеческая».

Очевидно, что в человеке есть животная сущность; в частности, она проявляется тягой к удовольствиям всякого рода. И она же даёт людям возможность приходить на прекрасную Землю, давно ставшую человечеству домом. Но очевидно и то, что человек – не животное, что бы ни говорили любители эпатажа или унылые скептики. Ибо в нём есть понятие о смерти и бессмертии, о зле и добре – которого не может быть ни у зверей, ни у растений, ни у стихий. И в нём есть понимание ответственности за этот мир. И, главное, есть чувство достоинства – чувство подобия Творцу, которое в увлекательном квесте под названием «жизнь» помогает сделать правильный выбор. Которое заставляет человека раскрывать всё хорошее, что заложено в нём, и которое держит в узде животную сущность, не позволяя ей раздуться до скотства.

Между парой понятий «человек» и «природа» мы не можем поставить ни знак равенства, ни знак «больше» или «меньше». И уж совсем печально было бы ставить знак «минус». По-моему, здесь уместен «плюс» – обозначение креста, перекрестья в одной точке двух миров –

горного и материального. В сумме двух этих понятий – великая вселенская мудрость: природа человека оздоравливает, в самом широком смысле слова, и человек, при разумном поведении, способен сделать природу прекраснее и здоровее.

Игорь Савельев

Спор поколений: вместе и врозь

Тема конфликта поколений остаётся одной из самых интересных философских проблем, потому что изначально в ней заложено некоторое противоречие. С одной стороны, мы знаем, что ситуация межпоколенческого непонимания вечна. Цитирование древних текстов, связанных с этой проблемой, даже превратилось в своего рода забаву: настолько эти тексты похожи на сетования сегодняшних старших. Слова Сократа о том, что «наша молодёжь любит роскошь, она дурно воспитана и нисколько не уважает стариков», горестное суждение Гесиода («Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодёжь завтра возьмёт в свои руки бразды правления») и многие другие высказывания если и архаичны по слогу, то, по крайней мере, по содержанию – вполне актуальны: мы можем догадаться, что если так говорилось тысячи лет назад, то, значит, и взросление наших родителей, дедушек и бабушек сопровождалось точно такими же суждениями. С другой стороны, благодаря произведениям классической литературы мы можем заключить, что конфликт поколений особенно остро вспыхивал в определённых социальных условиях, в переломные моменты в жизни общества, становился двигателем исторических событий. Наверное, Иван Тургенев, которому было важно описать тип «нового человека» шестидесятых годов XIX века и его роль в изменении духовного климата России, мог назвать роман и по-другому: в конце концов, именно

Базаров интересен автору как центральная фигура, все его антагонисты отступают в тень. Но Тургенев избрал название «Отцы и дети», чтобы вынести на первый план именно проблему конфликта поколений и её роль в сложных социальных процессах.

Таким образом, неизбежно возникает вопрос: поколенческий спор вечен, сопровождает каждую генерацию в истории человечества или же возникает в острые моменты истории, когда меняется жизнь общества, и становится основой этих перемен? Ведь если мы оглянемся на события последних десятилетий, на наш опыт, опыт наших родителей, то увидим, что «поступь эпохи», будь то бурные общественные процессы конца восьмидесятых – начала девяностых годов или сегодняшние острые политические споры, отчасти имеет характер столкновения мировоззрений старшего и молодого поколений. Философы столетиями занимаются вопросом, что в деятельности человека является «биологическим», а что «социальным»; примерно тот же вопрос может быть задан о природе споров поколений.

Русская классика, пожалуй, толкает нас к выводу о социальном характере проблемы (здесь уместна ремарка, что обо всех социальных процессах в России мы знаем и можем судить, по сути, только благодаря литературе, – ни подцензурная и малоразвитая журналистика, ни придворная историография не донесли до нас опыт предков в той мере, в какой это сделала великая русская словесность). Благодаря классическим произведениям мы можем посчитать, что все значительные исторические процессы были так или иначе сопряжены с поколенческими конфликтами: ведь в «Грозе» Александра Островского речь идёт о столкновении патриархальной общественной модели и человека нового мировоззрения; «Отцы и дети» Ивана Тургенева есть попытка понять, какую роль может сыграть в судьбе России класс разночинцев, заряженных идеями нигилизма, а в «Вишнёвом саде» Антона Чехова отчётливо ощущается

атмосфера затишья перед скорым социальным взрывом. Я назвал именно те произведения, которые принято считать «витринами» спора поколений в русской литературе, и действительно: каким может быть конфликт свекрови и невестки («Гроза»), если не поколенческим, а уклад жизни Раневской и Гаева («Вишневый сад») кажется невыносимым именно младшей дочери, Ане, которая ждёт, что студент Петя Трофимов предложит ей какую-то совсем иную жизнь.

Но ведь именно в «Вишнёвом саде» – не в «Отцах и детях», где столкновение поколений вынесено в название, – мы видим, как мало значат – для развития сюжета, для судьбы дворянской России, воплощённой в метафоре сада, – беседы Ани и Пети. Антагонистами Раневской и Гаева оказываются совсем не они, конфликт «старых» и «новых» людей (в данном случае Лопухина) на самом деле не имеет поколенческого характера. Более того, приглядевшись к персонажам других произведений классики, мы увидим, как рассыпается эта модель и сама идея поколенческой общности. Мы увидим молодого Аркадия Кирсанова в лагере «отцов», Кулигина – ровесника Кабанихи – в лагере «детей»...

Я считаю, что роль спора поколений в социальных, семейных, исторических конфликтах, показанная в литературных произведениях, несколько преувеличена, утрирована и не несёт исчерпывающей смысловой нагрузки. Хорошим примером для подтверждения этому послужит «Звёздный билет» Василия Аксёнова – одно из самых популярных произведений времён «оттепели». Тема поколенческого спора вынесена на первый план в этой повести почти столь же декларативно, как в «Отцах и детях» (разве что воплощена в названии не первоисточника, а экранизации, созданной в то же время и по сценарию того же Василия Аксёнова: «Мой младший брат»). Повесть и начинается как классическая книга о конфликте такого рода: между старшим и младшим братьями

возведена стена непонимания, отрицания ценностей друг друга, их взаимоотношения зашли в тупик («правильного» Виктора всегда ставили в пример младшему Димке, а теперь Димка не желает признавать его в качестве авторитета, обвиняя в конформизме). Решения «младших братьев» кажутся Виктору и его друзьям безумными и разрушительными; он упрекает Диму в неблагодарности по отношению к их родителям, но боится признаться себе, что завидует смелости и свободе «младших»... Это не частности взаимоотношений героев: это задумано и воплощено автором именно как серьёзный спор тех, кто, условно говоря, вырос при Сталине, и первых детей «оттепели»; типичность взаимного неприятия многократно подчёркивается. «Посмотри на их лица, просто страх берёт», – говорят и другие персонажи, то есть это не частное восприятие Виктора.

Интереснее всего в данном тексте то, как за полвека (повесть опубликована в 1962 году) поменялись акценты в восприятии этого сюжета о почти провокационной для того времени личной свободе молодых людей. Мы, сегодняшние читатели, чувствуем новизну этой свободы, но не воспринимаем её в ключе конфликта поколений, как это задумал Аксёнов. Перестали что-либо значить как различие в возрасте этих «отцов» и «детей» (Виктору двадцать восемь лет, Димке – семнадцать), так и нюансы их несогласия, важные в контексте шестидесятых годов. Вопреки воле автора, Виктор и Димка слились для нас – читателей, живущих уже вне той эпохи – в одно «оттепельное» поколение, и то, как они не понимают друг друга, а потом и «учат» друг друга (Димка побегом из дома учит старшего брата смелости, а Виктор – по сути, ценой своей жизни – приводит Димку к осознанию взрослой ответственности), воспринимается скорее как разница темпераментов, «вневозрастных» моделей поведения.

Я как читатель склонен думать, что сам по себе спор поколений не имеет определяющего значения для тех важнейших конфликтов –

исторических, социальных, нравственных, – которые были объектом пристального внимания русской классической литературы. «Поколения» скорее оказываются в этом контексте метафорой для осмысления и описания даже не столкновения «старого» и «нового», а столкновения разных мировоззрений и мироустройств, не всегда привязанных к той или иной генерации. Сама антитеза «Отцы и дети», которая – благодаря таланту Ивана Тургенева – заставляет нас говорить об этой проблеме вот уже полтора века, оказывается в таком контексте точной и яркой метафорой.

Дмитрий Масленников

Чем живы люди?

– Тот, кто любит, делает это без просьбы. И не надо трагедий. Несчастной любви нет, её придумали глупые люди. Если ты любишь, ты уже счастлив, даже если любовь не взаимна. Запомни это и не забывай.

С. Вахитов «Разорванное сердце Адель»

Чем живы люди? На этот, казалось бы, простой вопрос каждый человек ответит по-своему, ведь для кого-то ценностным мериллом является власть, материальное благополучие, достаток, для другого – здоровье и покой в доме, для третьего – любимая, приносящая и доход и удовольствие работа... Много нас, разных, на земле, а, как известно, сколько людей – столько и мнений.

Но вопрос-то это философский, и задавать его себе люди будут всегда. В веке девятнадцатом ответить на него попытался и величайший из

великих русских писателей Лев Николаевич Толстой. В сказке «Чем люди живы» он рассказывает удивительную историю о сапожнике Семёне, его жене Матрёне и о страннике-работнике-ангеле Михайле, которого наказал Бог и отправил на землю, и вернуться ангел Михайла к Богу мог только тогда, когда откроет ему Господь три заветных слова.

И открылось, в конце концов, изгнаннику с неба, что, во-первых, «в людях есть любовь», во-вторых, не ведают человеки, что им на самом деле «для тела нужно», а нужно-то им на самом деле, в-третьих, чтоб «они жили заодно» и следует им «не заботой о себе жить, а жить одною любовью». Потому что тот, «кто в любви, тот в Боге, и Бог в нем, потому что Бог есть любовь»...

Лучше-то, пожалуй, и не скажешь... И люди? Люди живы только любовью, ведь, еще Конфуций говорил, любовь – начало и конец нашего существования. Без любви нет жизни. Поэтому-то любовь есть то, перед чем преклоняется мудрый человек.

Вот сколько, например, живет бабочка? День-два? А кошка? Девять-двенадцать лет? А собака? Лет двадцать в самом лучшем случае... А есть такая птица – ворон (не путать с нашей городской воровкой-вороной!), говорят, что ворон живет более двух сотен лет... Так и любовь у людей...

Любовь-бабочка живет несколько дней – это любовь-страсть: рраз – и сгорела она в пламени свечи-жизни... Любовь-кошка с человеком несколько лет, это любовь-удовольствие, но кошка – она и есть кошка, гуляет сама по себе (и, зачастую, непременно налево)... Любовь-собака – это любовь-друг, ведь так приятно коротать долгие зимние вечера рядом с другом, который всё понимает, во всём тебя поддержит, от всего защитит. Но и она не всегда остается с человеком, потому что жизнь наша коротка и не вечна... А любовь-ворон... Она живет всегда, это – любовь-вера... Написал же Александр Сергеевич «Я вас любил, любовь еще быть может...» И сколько лет прошло, и нет уже давно ни поэта, ни той, к кому

обращены эти строки, а любовь жива.... Такая любовь вечна, и пусть же живут ею люди!